

Ишутина Ю. А.

(Дальневосточный федеральный университет, Россия; ishutina.yua@dvfu.ru)

РОЛЬ ТЕКСТОВ КОНФУЦИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В КИТАЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: Глобализация, как рекомендуемая западной культурой форма существования сообщества потребления, кроме ощутимых материальных выгод, предназначавшихся новым членам сообщества, таит в себе экзистенциальные опасности для существования самобытных культур. Интенсивные процессы глобализации, в которые включены практически все государства современного мира, характеризуются специфическим диалогом между глобальной культурой и культурами традиционных сообществ. На каждый вызов они вынуждены давать ответ, чтобы сохранить целостность культурного ядра. Китайское континентальное общество успешно решает эту задачу путем обращения к текстам конфуцианской культуры, которые адаптированы к требованиям времени и новой специфике китайской повседневности.

Ключевые слова: управляемая глобализация, конфуцианство, КНР, нравственные идеалы.

Ishutina Yuliya

(Far Eastern Federal University, Russia; ishutina.yua@dvfu.ru)

THE ROLE OF CONFUCIAN CULTURE TEXTS IN SHAPING THE MORAL IDEAL IN CHINA IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Abstract: Globalization, as the form of existence of a consumer community recommended by Western culture, besides tangible material benefits intended for new members of the community, is fraught with existential dangers for the existence of distinctive cultures. The intensive processes of globalization, which include almost all states of the modern world, are characterized by a specific dialogue between the global culture and the cultures of traditional communities. They are forced to respond to every globalization challenge in order to preserve the integrity of the cultural core. The Chinese continental society successfully solves this problem by referring to the texts of Confucian culture, which are adapted to the requirements of the time and updated to the new specifics of Chinese everyday life.

Keywords: managed globalization, Confucianism, Mainland China, moral ideals.

Глобализация с китайской спецификой подразумевает государственное управление ее процессами, что позволяет сохранять ядро конфуцианской культуры и создавать нравственный идеал модернизированного китайца, сочетающего приверженность традиционным ценностям и социальную мобильность. Актуальность темы обусловлена эволюцией процессов национальной идентичности в континентальном Китае, который стремится сформировать гармоничное модернизированное сообщество, опираясь, в том числе, и на базовые тексты конфуцианской культуры, которые являются важнейшим средством формирования

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

национального самосознания. Тексты традиционной культуры, рекомендуемые для изучения в школе, создают особую парадигму мышления, благодаря которой гражданин приобретает полезную привычку чтения конфуцианской литературы на протяжении всей жизни. Циклический подход к закреплению культурного паттерна заметен и в том, что литература конфуцианского содержания предлагается китайскому читателю не только как философская, но и как эстетическая, воспитывающая особый вкус к этике и эстетике китайской повседневности, что актуально для взрослых членов сообщества. Наиболее информативные работы по теме принадлежат китайским публицистам Ван Яну [1], Вэй Шушэну [2] и др.

Целью исследования является определение роли текстов конфуцианской культуры в процессе нравственного воспитания в КНР в контексте управляемой глобализации. Гипотеза заключается в том, что конфуцианство позволяет сохранить стабильную основу функционирования китайского общества в эпоху глобализации, создавая у граждан чувство уверенности и стабильности, которое достигается за счет включенности в единое пространство текстов культуры.

Материалом для написания статьи послужил сборник сентенций под названием «Книга о благодати», в котором представлено 800 крылатых фраз философов разных эпох; цитаты сопровождаются комментарием и предназначены широкому кругу читателей [3]. Прецедентные высказывания разделены на восемь глав: 忠篇 (Zhōng piān) — «Глава о верности и преданности» (54 иероглифических страницы), 孝篇 (Xiào piān) — «Глава о сыновней почтительности» (20 стр.), 智篇 (Zhì piān) — «Глава о мудрости» (66 стр.), 勇篇 (Yǒng piān) — «Глава о доблести» (60 стр.), 礼篇 (Lǐ piān) — «Глава о ритуале» (44 стр.), 义篇 (Yì piān) — «Глава о долге» (36 стр.), 廉篇 (Lián piān) — «Глава о чистоте» (12 стр.), 耻篇 (Chǐ piān) — «Глава о постыдном» (15 стр.).

С нашей точки зрения, тематическая последовательность цитат и пояснений в источнике не случайна: так авторы репрезентируют степень важности излагаемого материала. Краеугольным камнем конфуцианства является учение о любви к Родине и служении ей, а для этого необходимо поддерживать четкую иерархическую структуру в обществе, включая и семью, как базовую социальную ячейку. В китайском случае эффективность воспитания зависит, в том числе, и от умелого обращения к эпическим примерам древности. «Книга о благодати» не имеет политизированного подтекста, а сентенции, касающиеся формирования чувства патриотизма, представляют собой кристаллизацию философской мысли различных эпох и представителей различных школ.

По объему главы исследуемого источника разнятся, что скорее свидетельствует об авторском подходе и эстетических предпочтениях Вэй Пуфэна и Тан Цзицзюня, чем о недостаточности компилируемого материала. Исследователи структурируют информацию, делая акцент на главенстве идей подчинения и почитания. Их анализ касается как сферы межличностных отношений, в которой приоритет имеет мнение старшего по возрасту или социальному положению, так и отношений между гражданином и государством, где безусловный авторитет остается за последним.

Итак, первая глава («Глава о верности и преданности») делится на четыре параграфа, последовательность которых отражает расстановку акцентов в китайском традиционном обществе:

- 热爱祖国, rè ài zúguó («Любовь к родине»);
- 尽忠职守, jìn zhōng zhí shǒu («Беспредельная преданность и соблюдение долга»);
- 诚实守信, chéng shí shǒu xìn («Искренность в делах и соблюдение веры»);
- 敬天爱人, jìng tiān ài rén («Уважение воли Неба и гуманность»).

Вторая глава («Глава о сыновней почтительности») содержит два параграфа:

- 孝敬父母, xiào jìng fù mǔ («Уважение родителей и подчинение им»);
- 以己推人, yǐ jǐ tuī rén («Свое поведение — лучший пример»).

Если в первых главах содержатся базовые понятия, выделяемые нами условно, так как они, конечно же, усваиваются китайцами в сложном комплексе нравственных установок, то последующие главы содержат уже прямое наставление к действию, что позволяет нам переводить в императиве.

Третья глава («Глава о мудрости») включает в себя побуждения к действиям:

- 重教好学, zhòng jiào hào xué («Учись, отдавая себя учению»);
- 追求真理, zhuī qiú zhēn lǐ («Следуй истине»);
- 明辨是非, míng biàn shì fēi («Различай и разграничивай»);
- 重视人才, zhòngshì réncái («Развивай свои дарования»).

Четвертая глава («Глава о доблести») структурно поделена на следующие параграфы:

- 自强不息, zì qiáng bù xī («Неустанно совершенствуйся»);
- 修身立德, xiū shēn lì dé («Своим примером утверждай силу благодати»);
- 志向远大, zhì xiàng yuǎndà («Стремись к большим свершениям»).

Пятая глава («Глава о ритуале») делится на параграфы:

- 依礼而立, yī lǐ ér lì («Опираясь на ритуал, живи по ритуалу»);
- 重视规范, zhòng shì guīfàn («Уделяй внимание обстановке»);
- 合同众人, hé tóng zhòng rén («Будь с народом»).

В шестой главе («Глава о долге») всего один параграф:

- 维护正义, wéi hù zhèngyì («Защищай справедливость»).

В седьмой главе («Глава о чистоте») говорится:

- 正直无私, zhèng zhí wú sī («Стремись к бескорыстию»);
- 廉洁奉公, liánjié fènggōng («Будь честен с другими»).

В заключительной главе («Глава о постыдном») содержатся два параграфа, названия которых скорее вдохновляют, чем укоряют:

- 有所不为, yǒu suǒ bù wèi. («Праздное времяпрепровождение»);
- 知耻近勇, zhī chǐ jìn yǒng («Признание ошибки — уже смелость») [3, с. 3].

Каждая глава сборника не только содержит несколько предложений на классическом языке с обязательной отсылкой к автору крылатой фразы и указанием источника, но и сопровождается комментарием на современном китайском языке и лаконичной историей происхождения той или иной фразы.

Объем статьи не позволяет представить тщательный анализ всех конфуцианских категорий в их функциональном применении, поэтому мы рассмотрим репрезентацию наиболее актуальных категорий нравственности: 孝 (xiào) — «сыновней почтительности» и 忠 (zhōng) — «верности» — в китайской повседневности, ограничившись территориальными рамками КНР.

Мораль, как правило, выступает в качестве «неписаного закона», реализуя свою регулятивную функцию, в первую очередь посредством обыденного сознания. Мораль восходит к феномену обычая, а индивид усваивает основные нравственные ценности в процессе личностной социализации. Межличностные взаимоотношения проникнуты нравственностью, они подвергаются оценке и проходят проверку на жизненную целесообразность. У одного и того же народа этические установки могут претерпевать изменения в течение долгого периода времени и зачастую под влиянием извне, например в период активных отношений со значимыми другими, или под воздействием глобализации.

Анализируя понятия морали и нравственности, принятые у китайцев, мы должны обращать внимание на весь мир Восточной Азии, народы которой обладают специфическим менталитетом и особой системой взаимоотношений. Как утверждает А. Н. Мещеряков, вектор развития большинства восточных обществ до недавнего времени был направлен на старшее поколение, жизнь которого считалась более ценной, чем младшего. Это можно уяснить, просмотрев некоторые средневековые медицинские трактаты, в которых присутствуют целые главы, посвященные уходу за пожилыми людьми, но нет ни слова о том, как ухаживать за младенцами [4, с. 284].

Китайская литература содержит обширный пласт поучительных историй, например о том, как почтительный сын во время грозы торопился на могилу матери с криком «Мама, не бойся!», ведь при жизни она боялась громовых раскатов; а другой добродетельный конфуцианец ночью спал нагим, подставляя свое тело комарам, чтобы они не питались кровью его родителей [5, с. 10].

В старом китайском обществе отмечали дни рождения только пожилых людей, поэтому и существует традиция угощения именинника 寿面 (shóumiàn) длинной лапшой долголетия. В современном китайском социуме детские дни рождения начали праздновать не так давно, не более 20 лет назад. Вектор почитания постепенно поворачивается в сторону нового, молодого поколения. Политика ограничения рождаемости, реализуемая в КНР, даже после поправок 2013 г., строго регулирует прирост ханьских семей, в результате самым главным человеком в клане становится малыш, окруженный большой китайской семьей.

Китайское общество живет по четко выстроенным правилам взаимоотношений, когда мнение старшего поколения считается окончательным и обсуждению не подлежит. Это способно сплотить семью, особенно если учесть, что китайцы традиционно живут тремя поколениями вместе и лишь небольшой процент молодых семей проживает отдельно не в связи с трудовой занятостью в другом районе, регионе, провинции, а по собственному желанию (материальным возможностям). Авторитет старшего бесспорен, а присутствие пожилого человека в семье считается благом, о чем свидетельствует пословица:

家有一个老就像有一个宝。 Jiā yǒu yí gè lǎo, jiù xiàng yǒu yí gè bǎo [3, с. 30].

В семье старик — что драгоценность¹.

Категория сыновней почтительности 孝 (xiào) включает не только взаимоотношения отцов и детей, но и широко применима в обществе в целом. Так, в старом Китае жена подчинялась мужу, а если учесть, что «свободных» женщин в Китае не было никогда, то женщина подчинялась мужчине. После смерти мужа она следовала советам сына, но, с другой стороны, мать являлась представителем старшего поколения, а значит, последнее слово оставалось за ней. В свою очередь, «идеальная» жена должна была совершить ритуальное самоубийство, а власти даже брали такие семьи на обеспечение. В менее драматичных случаях ожидалось, что женщина больше не выйдет замуж, так как 好女子不吃两个家的婚茶 (hǎo nǚzi bù chī liǎnggè jiāde hūnchá) — «хорошая невеста два раза замуж не выходит».

Как свидетельствует А. А. Маслов, дочерняя почтительность в некоторых случаях могла реализоваться специфически: существовал ритуал перехода из женского в мужское, называемый 阴阳交 (yīnyángjiāo), когда девушка принимала особые пилюли, прекращавшие естественный цикл ежемесячных выделений, и она могла осуществлять все обряды, связанные с культом предков [6, с. 205].

Подчинение младшего старшему не ограничивалось кругом клана или семьи — оно пронизывало все общество, создавая многочисленные вертикальные связи и структурируя социум на каждом ярусе. Так, ученик подчинялся учителю, и тот мог воздействовать на ребенка физически. Об этом свидетельствуют не только сохранившиеся в китайской школе меры наказания — от легкого удара линейкой по рукам до долгого стояния сцепив руки сзади. Иероглиф 教 (jiào) также свидетельствует о наличии двух важных компонентов обучения: в его состав входят графемы «сыновняя почтительность» и «бить, ударять» (слева и справа соответственно).

Следование предписаниям 孝 (xiào) означало особый стиль поведения младшего, когда нельзя было принимать пищу или разговаривать раньше, чем это сделает старший. Общаться с ним следовало сидя на коленях, а в случае, когда

---

¹ Здесь и далее перевод Ю. Ишутинной.

младший провинился, руки располагали вытянутыми к старшему, так в китайском языке сложилось понятие 对不起 (duìbùqǐ) — букв. «не сметь подняться», в современном языке переводимое как «извините».

Конфуцианская категория почтительности охватывала все общество, а не только слой интеллигенции. Так, в сборнике мы обнаруживаем следующую сентенцию:

家贫知孝子，国乱识忠臣。 Jiā pín zhī xiào zǐ, guó luàn shí zhōng chén [3, с. 45].

И в бедных семьях растут почтительные сыновья, и в годы смуты в государстве служат верные сановники.

Категория сыновней почтительности 孝(xiào) дополняется категорией верности, преданности 忠(zhōng) и веры 信(xìn).

Так, Фэн Мэнлун вопрошает:

不忠不信,何以立于天地之间? Bù zhōng bù xìn, héyǐ lì yú tiāndì zhījiān? [3, с. 56]

На чем будет стоять Поднебесная, если не будет ни верности, ни веры?

Моцзы увещевает: «Гармония достигается только взаимной заботой, обоюдной выгодой и уступками, которые жители (Срединного государства) делают друг другу»:

兼相爱,交相利。 Jiān xiāng ài, jiāo xiānglì [3, с. 46].

Хань Ин и вовсе призывает к почти христианскому непротивлению злу насилием:

人善我,我亦善之; 人不善我,我亦善之。 Rén shàn wǒ, wǒ yì shàn rén, rén bù shàn wǒ, wǒ yì shàn zhī.

Люди окружают меня добротой, и мои намерения к ним добры; люди относятся ко мне нехорошо, я все же отплачиваю им добром [3, с. 49].

Несмотря на значительное повышение уровня грамотности, на доступность текстов конфуцианской литературы, на популяризацию конфуцианских категорий в массмедиа, китайский социум, вследствие стремления к обогащению и приобщения к столь привлекательному образу жизни глобального сообщества потребления, зашел в нравственный тупик, выход из которого, как водится, надо искать в блистательном и героическом прошлом нации и народа. Однако в век высоких технологий и денежных отношений эффективнее обращаться не к героям эпических сказаний, а к героям наших дней.

Категория бескорыстной помощи — вот то, что потеряно в современном китайском континентальном обществе и ощущается самими китайцами очень

остро. Но примеры успешных людей, охотно жертвующих частью своих доходов в общие сборы для действительно нуждающихся, пострадавших от воли Небес, наверное, не так яркие и актуальны, как незыблемые образцы времен революционной романтики и национального подъема. Таких народных героев, как Су Нин, Цзя Лидань, Лэй Фэн и др., очень много. Невероятное количество общеобразовательных школ, крупных компаний и магазинов в континентальном Китае носят их славные имена. От нуворишей их отличают преданность Родине и бескорыстное служение китайскому народу.

Благодаря переосмыслению традиционных ценностей образы героев недавнего прошлого удачно вписаны в конфуцианскую парадигму и могут послужить примером для подражания. Об этом свидетельствует, например, многолетняя популярность верного маоиста, молодого бойца Народно-освободительной армии Китая Лэй Чжэнсина, более известного как товарищ Лэй Фэн (1940–1962). Ему выдалось жить в те самые годы революционного подъема, и искренность, с которой он увлекся делом Мао, соотносится с той самой категорией верности 忠 (zhōng), о которой мы говорили выше. Под верностью, как понимал ее Лэй Фэн, подразумевается прежде всего преданность курсу КПК и Родине. Эти два понятия были для него неразделимы: «После освобождения Китая я обрел семью, это КПК!» [1, с. 39]

Приверженность идеям Мао подразумевала умение жертвовать и большим, и малым. Так, в интервью Гао Цзяньго, начальника Шэньянского военного округа, ныне Северной зоны боевого командования, мы читаем: «В августе 1960 г. в составе группы новобранцев Лэй Фэн участвовал в ликвидации наводнения на водохранилище, где бойцам приходилось в течение семи суток сдерживать напор воды собственными телами; и он был не один такой, их было целое поколение!» [1, с. 40]

Совсем в духе Лу Ю, поэта эпохи Южной Сун:

位卑未敢忘忧国。Wèi bēi wèi gǎn wàng yōu guó.

И даже занимая незначительное место в Поднебесной, вноси свой вклад в ее процветание [3, с. 5].

Жертвенность была одной из сильных черт характера Лэй Фэна: весной 1958 г. он передает 20 юаней для покупки комсомольского трактора, а через два года он переводит свои собственные средства — 200 юаней — в пользу жертв наводнения в Фушуне. Как говорится в «Летописи Чуньцю»:

治国之道,必先富民。Zhì guó zhī dào, bì xiān fù mín.

Чтобы процветало Срединное государство, сначала должен благоденствовать его народ [3, с. 53].

Вся жизнь Лэй Фэна — это образец жизни простого человека, умеющего не только находить радость в незатейливых развлечениях (игра на аккордеоне

в группе самодеятельности), в стремлении быть полезным обществу (статья «Я научился водить трактор!»), но и жертвовать собой ради народа.

По мнению Гао Цзяньго, учение в духе Лэй Фэна, которое является базовой идеологической подготовкой в Северной зоне боевого командования (ранее — Шэньянский военный округ), имеет огромное количество последователей, для которых общественная жизнь в стиле Лэй Фэна становится жизненным кредо. Первыми последователями «учения в духе Лэй Фэна» стали его бывшие сослуживцы, а потом и целые поколения демобилизованных бойцов, которые предлагали свою бескорыстную помощь при ликвидации последствий пожаров и наводнений [1]. Так проявляется специфика китайского коллективного мышления, которая в период борьбы с COVID-19 приобрела лаконичную форму высказывания 中国三连 (Zhōng guó sān lián), подразумевающего «общую борьбу с эпидемией, единение перед лицом опасности, преодоление всех трудностей», в противовес тому, как разобщенно действовали члены мирового сообщества [7].

Таким образом, мы можем утверждать, что тексты конфуцианской литературы в КНР используются не только для формирования философского мышления нации, эстетических и нравственных образцов, но и применимы в деле воспитания нового поколения граждан, занимающих активную позицию в процессах построения и укрепления национального государства и континентальной идентичности. Функция текстов заключается не только в социальном ориентировании активной личности, воспитанной в духе конфуцианских традиций, но и в актуализации поведенческих паттернов китайской молодежи, интенсивно включающейся в глобальное информационное сообщество. Такой эффект достигается благодаря тому, что модернизированному китайцу предоставляется возможность ощутить себя гражданином глобализированного общества и одновременно обеспечивается чувство уверенности и стабильности, которое достигается за счет принадлежности к национальному сообществу, включенному в единое пространство текстов культуры.

Литература

1. 王洋. 永远的雷锋 // 人民画报. 2012. № 3. 34–50页。 [Ван Ян. Лэй Фэн навсегда // Жэньминь хуабэо. 2012. № 3. С. 34–50.] (На кит. яз.)
2. 魏书生. 好父母好家庭: 魏书生谈家庭教育 / 魏书生著。 — 桂林: 漓江出版社, 2017. 257页。 [Вэй Шушэн. Хорошие родители — прекрасная семья. Гуйлинь: Лицзян чубаньшэ, 2017.] (На кит. яз.)
3. 美德书: 中华传统美德格言 800条 / 魏普风, 唐继军编著。 — 北京中国华侨出版社, 2006. [Книга о благодати / под ред. Ван Пуфэна, Тан Цзицзюня. Пекин: Чжунго хуацяо чубаньшэ, 2006.] (На кит. яз.)
4. История японской культуры: учебное пособие для вузов / отв. ред. А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 2011.
5. Бамбуковые страницы. Антология древнекитайской литературы / перев. с древнекит. И. С. Лисевича. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994.

6. Маслов А. А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. М.: Алетейя, 2003.
7. Ишутина Ю. А. Некоторые результаты адаптации национальных идей континентального Китая как ответ на глобализационные вызовы в период борьбы с эпидемией COVID-19 // Современные востоковедческие исследования. 2020. Т. 2. С. 80–87.

References

1. Wang Yang. Lei Feng Forever. *People's Pictorial*. 2012. No. 3. P. 34–50. (In Chinese)
2. Wei Shusheng. *Good Parents Make a Great Family*. Guilin, Lijiang Publishing House, 2017. (In Chinese)
3. Wei Pufeng. *Book of Virtue: 800 Chinese Traditional Virtue Quotes* / ed. by Tang Jijun. Beijing, China Overseas Chinese Publishing House, 2006. (In Chinese)
4. *History of Japanese Culture: textbook. Manual for universities* / ed. by A. N. Meshcheriakov. Moscow, Natalis Publ, 2011. (In Russian)
5. *Bamboo Pages. Anthology of Ancient Chinese Literature* / transl. by I. S. Lisevich. Moscow, Publishing company "Eastern Literature" RAS, 1994. (In Russian)
6. Maslov A. A. *China: Bells in the Dust. The Wanderings of the Magician and Intellectual*. Moscow, Aleteia Publ., 2003. (In Russian)
7. Ishutina Yu. A. Some Results of Adaptation of National Ideas of Mainland China as a Response to Globalization Challenges during the Fight Against the COVID-19 Epidemic. *Modern Oriental Studies*. 2020. Vol. 2. P. 80–87. (In Russian)